

И.Е. Прохорова (Москва)
ORCID ID: 0000-0002-7288-3530

«НАУКА ЖИТЬ» В ПИСЬМАХ Н.М. КАРАМЗИНА И П.А. ВЯЗЕМСКОГО 1821 Г.

Аннотация. В статье проанализирован комплекс высказанных в письмах Н.М. Карамзина П.А. Вяземскому морально-философских суждений в качестве своеобразной «науки жить», которую автор стремился передать «питомцу» в 1821 г., когда молодого «либералиста» настигла опала, усилившая его глубокую «хандру». Значительное внимание уделяется литературно-историческому контексту непростого диалога Карамзина и Вяземского, отсутствие писем которого к «наставнику» отчасти компенсируется привлечением переписки Вяземского и А.И. Тургенева и других эпистолярных материалов. Показан интерес Карамзина к изречению «век живи, век учись... жить», отразившийся в письмах, высказаны предположения о его происхождении и причинах умолчания адресантом имени Сенеки как автора «поговорок». Сопоставление «Разговора о счастии» (1797), эссе «О счастливейшем времени жизни» (1803) и писем Карамзина Вяземскому в 1821 г. обнаруживает, что ключевые для карамзинской «науки жить» суждения – об относительности «возможного земного счастья» и зависимости его главным образом не от внешних условий жизни человека, а «уменья наслаждаться» тем, что имеешь, которые прозвучали еще в произведениях рубежа веков, в той или иной форме продолжали транслироваться в 1821 г.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин; П.А. Вяземский; эпистолярный; «черная хандра»; счастье; «век живи; век учись... жить»; Сенека.

I.E. Prokhorova (Moscow)
ORCID ID: 0000-0002-7288-3530

“The Art of Living” in the Letters of N.M. Karamzin and P.A. Vyazemsky in 1821

Abstract. The article analyses the complex of moral and philosophical views that appear in the N.M. Karamzin’s letters addressed to P.A. Vyazemsky. They are regarded as “the art of living” which the author tried to pass onto his “pupil” in 1821, when the young “liberalist” fell into disgrace, and that just added to his deep “spleen”. A particular attention is paid to the literary-historical context of an uneasy dialogue between Karamzin and Vyazemsky. The absence of Vyazemsky’s letters addressed to his “teacher” Karamzin is partly compensated by the usage of the correspondence of Vyazemsky and Turgenev, as well as other epistolary materials. The author shows Karamzin’s interest for the saying “live and learn ... to live”, reflected in the letters, together with the suggestions concerning its origins and the reason for the sender not mentioning Seneca’s name as the creator of the “proverb”. The comparison of “The Conversation

on Happiness” (1797), the essay “On the Happiest Time of Our Lives” (1803), and Karamzin’s letters to Vyazemsky in 1821 reveals that the views essential for Karamzin’s “art of living”. They are as follows: the relativity of a “possible happiness on earth”, its dependence mainly not on the external living conditions, but on the “skill to enjoy” what you possess. These ideas were first mentioned in the works at the turn of the centuries, and continued to be translated in 1821.

Key words: N.M. Karamzin; P.A. Vyazemsky; epistolary; “black spleen”; happiness; “live and learn to live”; Seneca.

Уже более ста пятидесяти лет назад, в юбилейном для Н.М. Карамзина 1866 г., увидела свет первая книга, познакомившая читателей с важнейшей частью его богатого эпистолярного наследия – письмами к И.И. Дмитрию. В отклике на нее П.А. Вяземского близкий родственник историографа, немало времени проводивший и в эпистолярном общении с ним, очень точно отметил отличительную черту его писем по сравнению с другими сочинениями – в них «высшее место принадлежит человеку» [Вяземский 1984, 253], а не писателю. Поэтому в его письмах «специально ничему не научишься; но вместе с тем *научишься* (курсив наш – И.П.) всему, что облагораживает ум и возвышает душу» [Вяземский 1984, 252]. Можно сказать, что, по мнению Вяземского, эпистолярий Карамзина – своего рода наука жить. Разумеется, речь идет не об учебнике на все случаи жизни, но о связанных, иногда противоречиво, даже парадоксально соотносимых между собой морально-философских суждениях, в которых отозвалась личность «одного из достойнейших представителей человечества <...>, каким оно должно быть по призванию Провидения» [Вяземский 1984, 253].

Эпистолярное наследие Карамзина уже неоднократно привлекало специальное внимание исследователей, особенно в постсоветское время, о чем свидетельствуют содержательные работы В.Э. Вацура, Р.М. Лазарчук, Л.А. Сапченко, Т.Б. Фрик [Вацура 1991], [Лазарчук 1996]; [Сапченко 2010, 2011, 2013, 2016]; [Фрик 2011, 2015] и др. И все же, как нам уже доводилось отмечать, недостаточно изученными остаются опубликованные в 1897 г. письма Карамзина к Вяземскому за 1810–1826 гг. [Прохорова 2017, 41].

Основной пафос эпистолярия Карамзина в рассматриваемый период в целом – стремление обрести самому и передать адресату диалектическое восприятие жизни с ее надеждами и разочарованиями, «приятностями» и «горестями», которые даны человеку свыше и истинный смысл которых он едва ли может постигнуть, в то время как наблюдения, переживания и размышления подталкивают его к меланхолии и «для здешнего света печальной *системе*» (выделено автором) [Карамзин 1862, 44]. По Карамзину, все это, однако, не освобождает человека от необходимости в меняющихся обстоятельствах разумно выстраивать соответствующие эмоциональные реакции и поведенческие стратегии. Такая установка, с нашей точки зрения, особенно ярко проявилась в письмах к Вяземскому в 1821 г., когда «питомец Карамзина» [Вяземский 1879, 411] столкнулся с серьезными ис-

пытаниями и «наставник» [Вяземский 1982, 284] стремился помочь в их преодолении и с помощью эпистолярной «науки жить». В данной статье делается попытка рассмотреть ее, учитывая литературно-исторический и бытовой контекст диалога Карамзина и Вяземского, что, правда, затруднено отсутствием писем Вяземского к Карамзину, но может быть отчасти компенсировано привлечением переписки Вяземского с А.И. Тургеневым.

В начале мая 1821 г. Карамзин сообщил Дмитриеву о завершении работы над 9-м томом «Истории государства Российского» (с изображением опричнины и деспотизма Ивана Грозного) и желании писать 10-й, уточнив: «пока могу еще писать». Упоминание о клонящейся «к закату» жизни сопровождалось призывом к московскому другу не откладывать поездку в Петербург для их свидания [Письма 1866, 307]. 24 мая Карамзин отметил присутствие в северной столице «князя – поэта» (Вяземский посетил северную столицу, приехав из Польши, где служил, в отпуск), с которым тоже говорили о Дмитриеве. Но заканчивалось письмо драматическим признанием: «Часто грусть меня давит и жизнь тяжела; все кажется сном и мечтою, а сердцу больно как наяву» [Письма 1866, 308]. 10 июня слова о «тихом удовольствии» работы над 10-м томом и «приятных» часах, проведенных в разговорах с графом Каподистрия или «Хозяином» (так Карамзин именовал Александра I, пригласившего его с семьей на лето в Царское село), напротив, следуют за известием о сердечных огорчениях из-за «неприятности», настигшей Вяземского [Письма 1866, 309, 308].

Тогда князь получил от своего начальника Н.Н. Новосильцева известие о невозможности возвращения в Польшу – по сути, это была довольно оскорбительная «отставка без отставки» [Остафьевский архив 1899, 218]. Причем неблагонадежному чиновнику не позволили даже выехать в Варшаву за оставшейся там семьей, а чтобы собрать и передать жене необходимые для переезда значительные средства, он вынужден был просить помощи у друзей и родственников, в том числе Н.М. Карамзина. Возмущенный Вяземский, который до опалы сам задумывался об оставлении службы в Польше (Карамзин же советовал продолжить карьеру, пусть в другом месте [Письма 1897, 103]), потребовал гласной и полной отставки, не желая сохранить за собой и придворное звание камер-юнкера, полученное, кстати, тоже во многом благодаря протекции Карамзина.

Обстоятельства усугубили и без того довольно мрачное настроение Вяземского, что четко отразилось в его письмах, в которых он «весь налицо и наизнанку» [Вяземский 1963, 174]. Уже в варшавской переписке князя звучали мотивы неудовлетворенности, в том числе ходом либеральных преобразований в Польше и тоски «по недуге России» в целом, усилившиеся на фоне решений Лайбахского конгресса Священного союза в первой половине 1821 г. Сразу по возвращении на родину 18 апреля он признался другу и единомышленнику А.И. Тургеневу, что смотрит на окружающее «с окаменением свидетеля похорон ближнего сердцу человека» [Остафьевский архив 1899, 182–183].

Узнав об опале, Вяземский написал Тургеневу 4 августа: «О себе ска-

зять хорошего нечего: на меня нашла такая дурь, такая черная хандра, что иногда доводит до отчаяния. Черт знает, когда пронесется!» [Остафьевский архив 1899, 195]. Рефлексией на тему «черной хандры», ее причин, симптомов и средств излечения наполнены письма Вяземского Тургеневу в августе 1821 г. Глубоким и одновременно эмоциональным самоанализом выделяется среди них написанное 22 августа: «Мне кажется, что вся жизнь моя скоропостижно умерла. Неужели не будет воскресения? Что за глупое создание человек! <...> Горести нет, а чувство горечи. <...> Благословлю страдания свои. <...> только избавьте от этой смерти бытия» [Остафьевский архив 1899, 202]

Ситуация, в которой оказался Вяземский, связанные с ней переживания и поиски решения, разумеется, отразились в письмах к нему Карамзина. Причем его письма по сравнению с тургеневскими показывают, что «наставник» был особенно внимателен к психологическому состоянию «питомца» и стремился передать ему свои представления о «науке жить», настраивая на преодоление «черной хандры».

2 мая 1821 г., еще до известия об опале Вяземского, Карамзин писал только что приехавшему из Варшавы в Москву подопечному, очевидно, в ответ на его жалобы на «скуку»: «Авось, когда-нибудь перестанете скучать; этот талисман дается с годами» [Письма 1897, 112]. Возможно, автор здесь припомнил формулу, выведенную им еще в журнальном эссе «О счастливейшем времени жизни». В нем утверждалось, что счастье, насколько оно вообще возможно в земной жизни, открывается не младенцу, юноше или старику, а «опытному человеку <...> за тридцать пять лет», когда «живем дома; живем более в самих себе» и находим «моральное удовольствие» в «воспитании детей, хозяйстве, государственной деятельности», «сладкое отдохновение» – в «дружбе и приязни» [Карамзин 1803, 53–54]. Правда, в 1821 г. не раз упоминавший о надвигающейся старости Карамзин все же посчитал нужным высказаться и о своей способности / неспособности обрести «счастье». В письме Вяземскому 30 августа он вновь подчеркнул не только маловероятность его достижения в жизни, но и относительность этой ценности: «Я также (имелось в виду: как и адресат – И.П.) не горазд счастьем, с тою разницею, что мало и забочусь об этой невидальщине; смотрю в землю, взглядывая иногда на небо» [Письма 1897, 116].

В начале июня интонация писем Карамзина, так или иначе связанных с Вяземским, стала более напряженной. Узнав об официальном повелении князю не «возвращаться в Варшаву» из-за «нескромных разговоров его о политике», Карамзин, судя по его письму к Дмитриеву от 10 июня, был настолько встревожен, что решил обратиться «для объяснения» к государю. В том же письме отмечалось, что царь в разговоре с ним «милостиво» позволил Вяземскому «иметь место в Петербурге», но тот «не хочет» [Письма 1866, 308].

В 1866 г. при подготовке данного письма к печати из него (купуры делались и в других письмах, но это другая тема) по настоянию Вяземского были исключены слова о неодобрении его идейно-политической позиции

Карамзиным: «Либерализм его мне самому не нравится; однако ж по любви моей к нему эта история печальна для моего сердца» [Пекарский 1866, 308]. На полях Карамзин приписал: «Все это между нами». Вероятно, в 1866 г. Вяземский вослед Карамзину в 1821 г. посчитал нужным оградить от публичности семейные политические разногласия и точное определение «наставником» их сути и причин принципиального отказа «питомца» принять царскую милость, несмотря даже на посреднические усилия Карамзина, как и общее грустное впечатление, которое оставил в его душе разыгравшийся конфликт.

К концу лета 1821 г. Карамзин вполне осознал, что «черная хандра» Вяземского – опального «либералиста», предпочитающего отказ от службы компромиссам с разочаровавшей его властью, испытывающего растущие материальные трудности помещика, отца семейства, приближающегося к тридцатилетию, – это не просто болезнь молодости. В письме от 2 августа «наставник» прописал подопечному программу действий: «Старайтесь не скучать; пишите стихами и прозою; издавайте пословицы (любопытно, что потребность в таком издании тогда ощущал не только Карамзин – 17 июня 1821 г. цензурное разрешение на «Полное собрание русских пословиц и поговорок» получил Д.М. Княжевич. – *И.П.*), старые наши песни с замечаниями, etc, etc. <...> Экономьте, платите долги, а там, если пароксизм либерализма пройдет, выбирайте службу и место!» [Письма 1897, 114].

Спасение виделось в разумно выстроенной поведенческой стратегии Вяземского как литератора и помещика, причем при условии излечения от политического либерализма не исключалась и перспектива продолжения чиновничьего поприща. В результате одним из важнейших сюжетов дальнейшей переписки Карамзина, причем не только с Вяземским, стало обсуждение реализации им этой «программы». Правда, неурожайный 1821 г. был «для экономии не совсем хорош» [Письма 1897, 114]), так что активный диалог на «экономические» темы начался позднее.

Показательна история с июльским заданием Карамзина «скучающему» автору – «сочините эпитафию Наполеону» [Письма 1897, 113]. Этот сюжет Вяземского действительно волновал: недаром он просил Тургенева присылать «хоть на часок» все, «что о Наполеоне писаться будет» [Остафьевский архив 1899, 195, 196, 197]. Но для печатного выступления на заданную тему поэт, судя по ответному сентябрьскому письму «наставника», видел непреодолимые цензурные преграды. Карамзин же настаивал, что на могилу Наполеона можно «без ссоры с цензурою бросить несколько стихов <...>, блестящих мыслями, как перлами нетленными», поскольку «предмет высок и глубок, не в меру цензуре <...>, а потомство нашло бы тут истину, еще не весьма ясную современникам» [Письма 1897, 118].

Такая настойчивость Карамзина была закономерна в условиях неизменного на протяжении почти двух десятилетий интереса и в то же время эволюции в отношении Карамзина к исторической фигуре Наполеона и «наполеоновскому мифу», сформированному, кстати, не без участия ка-

рамзинского «Вестника Европы». В первые послевоенные годы историограф задумывал специальную работу о современной истории, в которой, разумеется, Бонапарте играл первейшую роль. К середине 1810-х гг. в его письмах к великой княгине Екатерине Павловне появилось сопоставление французского императора и Ивана Грозного как «удивительных феноменов среди величайших и среди наихудших правителей» [Сапченко 2013, 52].

И хотя в советах Вяземскому Карамзин оставался верен приоритету писать «для потомства» [Карамзин 1898, 32, 34], выбор «предмета» обуславливался не только масштабом события, но и актуализацией в 1821 г. самой проблемы «злоупотребления силой» на мировой арене. А именно в этом историограф видел и вину, и беду – причину саморазрушения – наполеоновского режима (как он в 1813 г. писал Екатерине Павловне по-французски: *«l'abus de la force la détruit»*) [Карамзин 1862, 113]. Потребность в оригинальной философски емкой эпитафии могла определяться и неудовлетворительным качеством оперативно появившихся в российской журналистике откликов на смерть Бонапарта, например, в июльском номере «Вестника Европы» Каченовского, который ограничился перепечаткой из французского журнала довольно тенденциозной подборки «выписок» из книги г-жи де Сталь «Десять лет изгнания» [Вестник Европы 1821, 201–210].

Неизвестно, что «умный князь» (так не без шутливости «наставник» нередко называл «подопечного») ответил (и ответил ли) на приведенные в сентябрьском письме Карамзина доводы и совет творить, изначально ориентируясь на «уровень» цензуры и адресуясь главным образом к потомству. Но в целом подобные установки должны были восприниматься либерально настроенным писателем с публицистическим темпераментом как неприемлемые. Об этом свидетельствует, например, письмо Вяземского Тургеневу в июне 1822 г., в котором в связи с его работой над заметкой об «Итальянской грамматике» Валерио манифестировался принцип «свободомыслие – способ мыслить свободного человека» обо всем и всегда, «оно – стихия» [Остафьевский архив 1899, 259].

В конце августа 1821 г., очевидно, под влиянием того, что В.Ф. Вяземская с детьми вполне благополучно вернулась из Польши и притом привезла «громаду похвальных листов <...> от всякого пола, возраста, звания», которые убеждали опального князя, что он «недаром прожил в Варшаве» [Остафьевский архив 1899, 204], его «черная хандра» понемногу пошла на убыль. Это проявилось в оживлении литературных занятий Вяземского и признаниях, что он «доволен» тем или иным своим опытом. Однако нельзя не заметить, что выбор тем и форм для литературной деятельности – от собственных произведений в различных жанрах до издательских усилий – мало связан с конкретикой предложений Карамзина от 2 августа. Да и удовлетворение Вяземского нередко вызывали как раз те фрагменты его произведений, которые, по его собственным прогнозам, могли подвергнуться (и подвергались) репрессиям цензуры [Остафьевский архив 1899,

224] и встречали критическое отношение Карамзина.

21 декабря 1821 г. Карамзин в очередной раз написал Дмитриеву о своем меланхолическом настроении и, между прочим, сообщил о чтении критико-биографической статьи о нем, написанной «милым князем Петром, который при всем своем уме худо ладит с языком» [Письма 1866, 320]. Планируя сделать автору соответствующие замечания, Карамзин высказал и опасения насчет прохождения статьи цензурой. Разумеется, в письмах к самому Вяземскому неудовольствие Карамзина было выражено гораздо энергичнее. При этом его «союзниками» в критике не только стиля, но и идейно-политической заостренности материала оказались Д.Н. Блудов, В.А. Жуковский и даже «либералист» А.И. Тургенев. Они требовали от автора перестать «вольтерствовать», «притупить жало», «вымарать и *де-спота*», поскольку, по словам Карамзина, «все это сказано и пересказано», а в результате «цензура не пропустит и хорошего, и весьма хорошего» [Письма 1897, 121].

Вяземский по-другому смотрел на свое сочинение, называя «литературной исповедью» и гордясь тем, что сумел заявить свою позицию как публицист – «во все горло и духовникам нашим не в бровь, а в самый глаз» [Письма 1904, 116]. Только в результате довольно жесткой полемики автор пошел навстречу некоторым требованиям «ареопага» во главе с Карамзиным и, конечно, собственно заказчика статьи – Вольного общества любителей российской словесности. В результате «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева», первый вариант которого был создан еще в сентябре 1821 г., увидело свет в 1823 г.. Не останавливаясь на конкретном содержании уступок, вылившихся в основном в сокращения (они подробно проанализированы исследователями [Гиллельсон 1969, 84–95]), подчеркнем сам факт компромисса, свидетельствующий о способности Вяземского, при всей его «непослушности» [Письма 1866, 331], к диалогу ради пользы общего дела, как воспринималась публикация о Дмитриеве его друзьями.

Конечно, еще сложнее было Карамзину влиять на психологическое состояние Вяземского. И после того, как «черная хандра» начала отступать, слишком многое в российской действительности, по его словам, наводило «тусклость на жизнь» и мешало ему чувствовать себя «комфортно» [Остафьевский архив 1899, 208]. «Ипохондрию» навевала «сама гнилая и смердящая почва» отсталой и плохо управляемой страны, где возмутительно больших усилий стоило даже прохождение через цензуру иностранных книг, приобретенных князем в Польше для личной библиотеки [Остафьевский архив 1899, 215]. Карамзин умел смотреть на окружающее с большей терпимостью, видимо, помня, что философ – это тот, кто готов, сохраняя внутреннюю свободу, «ужиться в мире» [Клейн 2010, 238], и стремился внушить такую способность Вяземскому.

30 августа Карамзин, предполагая, что польские мытарства семьи шурина завершились и она благополучно воссоединилась в подмосковном имении, писал: «Мысленно смотрим на вас отсюда (из Царского Села –

И.П.) в Остафьево: кажется, ваше лицо уже веселее, наш умный князь; хандра миновала; вы улыбаетесь сатирически, но не сардонически: так ли?» [Письма 1897, 116]. Стараясь убедить Вяземского в возможности успешно адаптироваться к сложившимся обстоятельствам, «наставник» задавался философским вопросом: «В самом деле, чего недостает для вашего совершенного земного блага?» [Письма 1897, 116]. И перечислял материальные и нематериальные «богатства» князя, правда, несколько приукрашивая реальность: «Вы здоровы, молоды, имеете милое семейство, хорошее состояние, добрых приятелей, Остафьево, *дворянский чин* (выделено автором – И.П.), прибавлю: душу, разум, дарование» [Письма 1897, 116]. Из сказанного делался вывод: недостает адресату лишь «уменья наслаждаться» тем, что имеет, и хотя это умение «не безделица» – им можно овладеть [Письма 1897, 116]. Так в рассуждениях «наставника» появилась сентенция «Век живи, век учись... жить!» с шутливым добавлением известной поговорки: «Без науки и в попы не ставят» [Письма 1897, 116].

Карамзину явно нравилось изречение «Век живи, век учись... жить!». Уже 5 сентября 1821 г. оно, также названное «поговоркой», переключалось в письмо императрице Елизавете Алексеевне с предположением «вписать» его вместе с другими «новыми строками» в ее «Album» [Карамзин 1862, 50]. Это было бы вполне уместно, т.к. подразумеваемый «Альбом с различными выписками», подаренный ей Карамзиным в начале 1821 г., составляли отрывки из размышлений на самые разные темы – от политики и религии до любви и дружбы – известнейших европейских философов на французском языке (хотя и с заголовками по-русски) и подборка «Русские пословицы». Среди них, кстати, было изречение «Богу молись, а сам не плошай» [Карамзин 1821, 48-об]. Высказывание же «Век живи, век учись – жить!» обыгрывалось автором и в подписи к цитированному письму Елизавете Алексеевне: от «верного историографа, который, следуя поговорке, неутомимо учится, но уже не выучится по-новому, и даже любит Вас по-старому» [Карамзин 1862, 50].

Надо сказать, что только в письме императрице Карамзин посчитал нужным уточнить, что эту «поговорку» все знают, но «без окончательного слова («жить» – И.П.), которое важно» и было найдено им «недавно в одной древней рукописи» [Карамзин 1862, 50]. Тем не менее, в современных авторитетных изданиях русских паремий (Пословицы, поговорки, загадки в русских сборниках XVIII – XX веков. М.; Л., 1961; Большой словарь русских пословиц. М., 2010) приведенный Карамзиным дополненный вариант изречения «Век живи, век учись» отсутствует. В то же время в сборнике почитавшегося Карамзиным И.Ф. Богдановича, достаточно вольно переложившего русские пословицы стихами, содержатся сентенции, по смыслу по крайней мере отдаленно напоминающие карамзинскую: «Век живя-скасть век трудись, / И трудясь век учись» и «Догадка знания мудрее / А в свете жить уметь и всех наук хитрее» [Богданович 1785, 9].

Еще интереснее то, что через десять лет после «находки» Карамзина И.М. Снегирев, один из первых отечественных фольклористов, коммен-

тировал смысл пословицы «Век живи, век учись» так, будто знал о дополненном ее варианте: «Поставляя достижение высшего *совершенства в жизни* высшею целью человека, предки наши почитали *все возрасты учением* (выделено нами – И.П.)». Рассматривая далее историю формирования и освоения пословичного фонда в целом, ученый упомянул и о роли Карамзина, и о значении разного рода заимствований. Среди их источников были названы и письма римского стоика Сенеки, благодаря которым «сохранилось» множество «старинных латинских поговорок и пословиц» [Снегирев 1831, 159–160; 22; 42–43].

Представляется, что именно в «Нравственных письмах к Луцилию» Сенеки, которые в той или иной мере давно были известны русским книжникам и переводились в близком в 1780-е гг. Карамзину кружке Н.И. Новикова [Салимгареев 2016, 84], мог почерпнуть Карамзин сентенцию, процитированную им в письмах к Вяземскому и императрице. В письме LXXXVI Сенека на вопрос друга о его занятиях отвечает, что «слушает философа», и старость тому не помеха так же, как и посещению театра, ведь надо учиться, «покуда чего не знаешь». По ходу рассуждения римский автор ссылается на пословицу «Век живи – век учись». А заключает этот фрагмент сентенция, которая в современном переводе на русский практически дословно совпадает с приведенной Карамзиным: «век живи – век учись тому, как следует жить» [Сенека 1977, 145]. При этом через несколько строк Сенека признавал, что все же есть в мире то, «чему в старости едва ли обучишься». Таким образом, можно предположить, что в процитированной выше шутиливой подписи Карамзина к письму Елизавете Алексеевне обыгрывалась не только «пословица», почерпнутая у римского философа и моралиста, но и дальнейший ход его размышлений, безусловно, близкий «стареющему» историографу.

Если сентенция «Век живи, век учись – жить!» действительно восходит к Сенеке, то не вполне ясно, почему Вяземскому Карамзин ничего не сообщил об источниках, а от императрицы утаил знаменитое имя, лишь сослался на «одну древнюю рукопись». Возможно, это дань «игровым» традициям в эпистолярном жанре, что более подходило для корреспонденции Елизавете Алексеевне, при этом Вяземский мог знать источник. Нельзя, наверно, исключать и характерного для Карамзина нежелания показаться излишне дидактичным, а имя Сенеки ассоциировалось именно с такой интенцией (в этой связи показательна ироничная реакция Жуковского на слова А.И. Тургенева, что он иногда с пользой для себя перечитывает письма друга с рассуждениями о должном устройстве жизни: «Но разве я пишу тебе эпистолы а la Seneque?» [Письма 1895, 87]). Решение умолчать об авторе пословицы, пусть не демонстрирующей какой-либо специфически стоической идеи, можно, думается, связать и с давно заявленным Карамзиным дистанцированием от стоиков, которое проявилось еще в его «Разговоре о счастии» в 1797 г. Тогда в реплике Филалета они критиковались за недостаток сердечного энтузиазма и теплоты [Карамзин 2008, 30].

В целом сопоставление «Разговора о счастии», эссе «О счастливейшем

времени жизни» и писем «наставника» опальному Вяземскому обнаруживает, что ключевые для карамзинской «науки жить» суждения – об относительности «возможного земного счастья» и о зависимости его главным образом не от внешних условий жизни человека, а «уменья наслаждаться» тем, что имеешь, которые прозвучали еще в произведениях рубежа веков, продолжали транслироваться в 1821 г. Нельзя не заметить, например, близости реплики Филалета о значении способности человека «находить в жизни многие истинные приятности, не скучать ею, не роптать на судьбу, быть довольным» [Карамзин 2008, 30] и пожелания Карамзина Вяземскому в письме 30 сентября 1821 г.: «Будьте, право, веселы: сколько приятностей в жизни имеете и еще иметь можете!» [Письма 1897, 118]. Во всех названных текстах так или иначе утверждалась очень точно выявленная и в зависимости от конкретной ситуации формулируемая необходимость психологической самонастройки для желающего научиться «пользоваться жизнью» – «смотреть на мир с того места, на которое он поставлен судьбой», и искать «удовольствий на своем горизонте, вокруг себя», в себе, не мучаясь воображаемой «тысячью отрав» [Карамзин 2008, 36, 37].

При этом в течение почти четверти века размышлений о «науке жизни», по сути неотделимой от поисков «средства быть счастливым», Карамзину удалось повлиять на расширение самого значения слова «счастье». В этом отношении интересны разборы синонимов «счастье» («щастие»), «благополучие», «блаженство», опубликованные в журналах начала века дебютировавшим в печати Н.И. Гречем и Д.М. Княжевичем (правда, оставившим без внимания лексему «блаженство») [Греч 1805, 139–140]; [Княжевич 1812, 84–88]. Оба автора традиционно связывали «счастье» только с «удачей», «случаем», находившимися «вне» воли человека, и в этом усматривали принципиальное отличие «счастья» от «благополучия», хотя оба слова признавались синонимами для обозначения «обстоятельств, которые делают человека довольным своим положением» [Княжевич 1812, 84]. Сравнение подобных дефиниций с рассмотренными выше высказываниями Карамзина подтверждает справедливость мнения современных исследователей – психологов и лингвистов об его особой роли в утверждении того «концепта счастье», которое дошло до нашего времени [Вербицкая 1999, 60].

Советы Карамзина «учиться жить», наслаждаясь имеющимися «благами» и не заглядывая за «свой горизонт», Вяземский, судя по его переписке, услышал, но принять полностью не мог. В письме Тургеневу от 12 октября, вернувшись к анализу своего психологического состояния, «ссылочный», как назвал себя Вяземский, соглашался, что в его жизни оставалось немало «положительного» – «любовь к семейству, дружба к друзьям, довольно живая склонность к занятию» – и что «с этим душа не умрет». Но за эмоциональным «Так!» [Остафьевский архив 1899, 216] вновь следовали возражения – сомнения в достаточности для него такого «горизонта».

Иной, чем Карамзин, психоэмоциональный тип личности, «либералист» Вяземский в 1821 г. не мог не испытывать уныния и/или негодования

(недаром эти понятия вынесены в заголовки двух по сути программных его стихотворений) в условиях значимых для него ограничений свободы самовыражения, как он ее понимал. Обращаясь к Тургеневу, психологически и идеологически ему более близкому, Вяземский восклицал: «Молись за нас, чающих движения!» [Остафьевский архив 1899, 216]. Вскоре Тургенев примирительно ответил остафьевскому «пустыннику»: «Ты ищешь утешений в лучших потребностях души, и этого уже довольно для нашего успокоения» [Остафьевский архив 1899, 216]. Сложно сказать, кого имел в виду автор, выступая от имени некоего сообщества, кому принесли «успокоение» отнюдь не благостные признания Вяземского, и был ли среди них Карамзин.

Как бы то ни было, трудный эпистолярный диалог Карамзина с его «питомцем», в котором важнейшее место занимало обсуждение эмоциональных реакций и конкретных действий и/или общих поведенческих стратегий Вяземского в постоянно меняющихся и нередко драматических (даже трагических, если говорить о конце 1825 – первой половине 1826 гг.) ситуациях, развивался до последних дней жизни «наставника». А в сознании Вяземского продолжался и позднее, что показывает, в частности, процитированный нами в начале статьи его отклик на издание писем Карамзина в 1866 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. [Богданович И.Ф.] Русские пословицы: в 3 ч. СПб., 1785.
2. Вацуρο В.Э. Из неизданных писем Карамзина / публ. В.Э. Вацуро // Русская литература. 1991. № 4. С. 88–99
3. Вербицкая В.В. Концепты счастье, благополучие, благо в конце XVIII – первой трети XIX века: на материалах произведений Н.М. Карамзина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История языкознания. Литературоведение. 1999. Вып. 4 (27). С. 60–66.
4. Выписки о Буонапарте // Вестник Европы. 1821. № 13. С. 201–210.
5. Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848). М., 1963.
6. Вяземский П.А. О письмах Карамзина // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 250–253.
7. Вяземский П.А. Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. II. СПб., 1879.
8. Вяземский П.А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1982.
9. Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969.
10. Н.Г. [Греч Н.И.] Синонимы: счастье, благополучие, блаженство // Журнал российской словесности. 1805. Ч. 2. С. 139–140.
11. [Карамзин Н.М.] Альбом с различными выписками // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Инд. 567. 52 л.
12. Карамзин Н.М. О счастливейшем времени жизни // Вестник Европы. 1803. № 13. С. 51–56.
13. Н.М. Карамзин в переписке с императрицей Марией Федоровной // Русская старина. 1898. Вып. 10. С. 31–40.

14. Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка. Ч. 1. СПб., 1862.
15. Карамзин Н.М. Разговор о счастии // Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 17. М., 2008. С. 27–37.
16. Клейн И. «Искусство жить» у Карамзина («Письма русского путешественника») // Художественный перевод и сравнительное изучение культур. СПб., 2010. С. 232–244.
17. К.Ф. [Княжевич Д.М.] Опыт разбора русских синонимов. Счастье. Благополучие // Сын Отечества. СПб., 1812. С. 84–88.
18. Лазарчук Р.М. Переписка Н.М. Карамзина с А.А. Петровым (К проблеме реконструкции «романа в письмах» // XVIII век. Сб. 20. СПб., 1996. С. 501–518.
19. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1820–1823. СПб., 1899.
20. Пекарский П.П. Фрагменты писем Н.М. Карамзина и Е.А. Карамзиной к И.И. Дмитриеву <...>, опущенные при издании книги «Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву». СПб., 1866 // ОР РГБ. Ф. 439 (В.А. Десницкого). Картон 31. Ед. хр. 7.
21. Письма П.А. Вяземского А.Ф. Воейкову // Русская старина. 1904. Кн. 1. С. 115–122.
22. Письма В.А. Жуковского к А.И. Тургеневу (1810 – 1814) // Русский архив. 1895. Вып. 4. С. 81–112 (приложение).
23. Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826 // Старина и новизна. Кн. 1. СПб., 1897. С. 1–204.
24. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866.
25. Прохорова И.Е. «Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому (1810–1826)»: «парный портрет» адресата и адресанта и его функции // *Mikolaj Karamin i jego czasy. Studia Rossica*. Т. 24. Warszawa, 2017. Р. 41–49.
26. Салимгареев М.В. Наследие Сенеки в интеллектуальных и культурных практиках XVIII столетия // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1. С. 83–86.
27. Сапченко Л.А. «Верьте моей искренности и дружбе...» (письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. Т. 1. № 4. С. 78–81.
28. Сапченко Л.А. Зеркало души: Н.М. Карамзин по его письмам. Ульяновск, 2016.
29. Сапченко Л.А. «Мир достигает высочайшей степени развращения» (нравственно-философские взгляды Н.М. Карамзина по его письмам) // Духовно-нравственный и эстетический потенциал русской литературной классики. М., 2013. С. 50–54.
30. Сапченко Л.А. Польская тема в письмах Н.М. Карамзина к П.А. Вяземскому // Русская литература XVIII–XXI вв. Диалог идей и эстетических концепций. Lodz, 2010. С. 9–17.
31. Сенека Луций Анней. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.
32. Снегирев И. Русские в своих пословицах и поговорках: в 4 кн. Кн. 1. М., 1831.
33. Фрик Т.Б. «Мы и современники, и земляки, и друзья около сорока лет»:

особенности поэтики писем Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 39–46.

34. Фрик Т.Б. Переписка Н.М. Карамзина с членами царствующего дома как литературный факт (к постановке проблемы) // Вестник науки Сибири. Сер. 9: Филология. Педагогика. 2011. № 1 (1). С. 599–603.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Frik T.B. “My i sovremenniki, i zemlyaki, i druž’ya okolo soroka let”: osobennosti poetiki pisem N.M. Karamzina k I.I. Dmitriyevu [“We have been contemporaries, and fellow countrymen, and friends for about forty years”: The Peculiarities of the Poetics of Karamzin’s Letters to I.I. Dmitriev]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 39–46. (In Russian).

2. Frik T.B. Perepiska N.M. Karamzina s chlenami tsarstvuyushchego doma kak literaturnyy fakt (k postanovke problemy) [The Correspondence of N.M. Karamzin with the Members of the Reigning House as a Literary Fact (To the Formulation of the Issue)]. *Vestnik nauki Sibiri*, Series 9: Filologiya. Pedagogika [Philology. Pedagogy], 2011, no. 1 (1), pp. 599–603. (In Russian).

3. Salimgareyev M.V. Naslediye Seneki v intellektual’nykh i kul’turnykh praktikakh 18 stoletiya [Seneca’s Legacy in the Intellectual and Cultural Practices of the 18th Century]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv*, 2016, no. 1, pp. 83–86. (In Russian).

4. Sapchenko L.A. “Ver’te moyey iskrennosti i družbe...” (pis’mo N.M. Karamzina k A.I. Turgenevu) [“Believe in my sincerity and friendship ...” (N.M. Karamzin’s Letters to A.I. Turgenev)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, vol. 1, no. 4, pp. 78–81. (In Russian).

5. Vatsuro V.E. (ed.). Iz neizdannyykh pisem Karamzina [From the Unpublished Letters of Karamzin]. *Russkaya literatura*, 1991, no. 4, pp. 88–99. (In Russian).

6. Verbitskaya V.V. Kontsepty schast’ye, blagopoluchiye, blago v kontse 18 – pervoy treti 19 veka: na materialakh proizvedeniy N.M. Karamzina [The Concepts of Happiness, Prosperity, Blessing at the End of 18th – the First Third of the 19th Centuries: On the Materials of N.M. Karamzin’s Works]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Series 2: Istoriya yazykoznaniya. Literaturovedeniye [History of Linguistics. Literary Criticism], vol. 4 (27), pp. 60–66. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Kleyn I. “Iskusstvo zhit” u Karamzina (“Pis’mo russkogo puteshestvennika”) [“The Art of Living” by Karamzin (“The Letters of a Russian Traveler”)]. *Khudozhestvennyy perevod i sravnitel’noye izucheniye kul’tur* [The Literary Translation and Comparative Study of Cultures]. Saint-Petersburg, 2010, pp. 232–244. (In Russian).

8. Lazarchuk R.M. Perepiska N.M. Karamzina s A.A. Petrovym (K probleme rekonstruktsii “romana v pis’makh”) [The Correspondence of N.M. Karamzin with A.A. Petrov (On the Issue of Reconstructing “a Novel in Letters”)]. *18 vek* [The

18th Century]. Vol. 20. Saint-Petersburg, 1996, pp. 501–518. (In Russian).

9. Prokhorova I.E. “Pis'ma N.M. Karamzina k knyazyu P.A. Vyazemskomu (1810–1826)”: “parnyy portret” adresata i adresanta i ego funktsii [“Letters from N.M. Karamzin to Prince P.A. Vyazemsky (1810–1826)”: “A Double Portrait” of the Sender and the Addressee and its Functions]. *Mikolaj Karamzin i jego czasy. Studia Rossica*. Vol. 24. Warsaw, 2017, pp. 41–49. (In Russian).

10. Sapchenko L.A. “Mir dostigayet vysochayshey stepeni razvrashcheniya” (nravstvenno-filosofskiye vzglyady N.M. Karamzina po ego pis'mam) [The world reaches the highest level of corruption” (The Moral and Philosophical Views of Karamzin in His Letters)]. *Dukhovno-nravstvennyy i esteticheskiy potentsial russkoy literaturnoy klassiki* [The Spiritual, Moral and Aesthetic Potential of Russian Literary Classics]. Moscow, 2013, pp. 50–54. (In Russian).

11. Sapchenko L.A. Pol'skaya tema v pis'makh N.M. Karamzina k P.A. Vyazemskomu [The Polish Theme in Karamzin's Letters to P.A. Vyazemsky]. *Russkaya literatura 18–21 vv. Dialog idey i esteticheskikh kontseptsiy* [The Russian Literature of the 18th–21st Centuries. A Dialogue of Ideas and Aesthetic Concepts]. Lodz, 2010, pp. 9–17. (In Russian).

(Monographs)

12. Gillel'son M.I. *P.A. Vyazemskiy. Zhizn' i tvorchestvo* [P.A. Vyazemsky. Life and Literary Works]. Leningrad, 1969. (In Russian).

13. Sapchenko L.A. *Zerkalo dushi: N.M. Karamzin po ego pis'mam* [The Mirror of the Soul: N.M. Karamzin through His Letters]. Ulyanovsk, 2016. (In Russian).

Прохорова Ирина Евгеньевна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики. Круг научных интересов: история русской литературы и журналистики первой половины XIX в., творчество П.А. Вяземского.

E-mail: ieprokhorova@mail.ru

Irina E. Prokhorova, Lomonosov Moscow State University.

Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism. Research interests: the history of Russian literature and journalism of the first half of the 19th century, P.A. Vyazemsky and his works.

E-mail: ieprokhorova@mail.ru